

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРМСКОГО ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В КОНЦЕ XVIII В.

Вторая половина XVIII в. – время развития благотворительности в качестве государственного дела. Наиболее важным мероприятием было создание в 1775 г. приказов общественного призрения, которые стали заниматься вопросами помощи населению. Дальнейшее развитие учреждений общественного призрения зависело от местных условий: финансового состояния губерний и активности чиновников. На более низких уровнях управления, в негубернских городах, благотворительность существовала в более трудных условиях. С одной стороны, городские власти были зависимы от приказов, с другой – стремились поощрять деятельность местных благотворителей.

Состояние призрения бедных в Екатеринбурге конца XVIII в. практически не изучалось. Есть только одно исследование Н. С. Корепанова, в котором рассматривается история города с 1781 по 1831 г. во всех сферах жизни города, в том числе вопросы социальной защиты населения¹. Поэтому целью статьи было выяснить уровень развития общественного призрения, широту охвата населения в крупном городе, который не являлся административным центром губернии – в Екатеринбурге.

В результате административной реформы в 1781 г. в составе Пермского наместничества была образована Пермская губерния. Параллельно с учреждением новой губернии, 18 октября, в ней были созданы органы управления, в том числе Приказ общественного призрения. Первым его возглавил правитель наместничества генерал-поручик Е. П. Кашкин.

Наиболее активными руководителями со времени возникновения Приказа были капитан Краузольт и поручик Слепых. Благодаря их деятельности в Перми были открыты основные учреждения, которые должны были входить в состав Приказа общественного призрения: воспитательный дом для приносимых незаконнорожденных младенцев, рабочий дом и др. На за-

¹ См.: *Корепанов Н. С.* В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 39–42.

седании Приказа 9 августа 1788 г. их полномочия были четко разделены. За Краузольдом закреплялся надзор и попечение над училищем, аптекой, медицинскими чинами, госпиталями, богадельнями и богадельщиками. Учреждения, «впредь возводимые до общего призрения», попадали в ведение поручика Слепых. К его обязанностям относилось попечение над «приносимыми несчастно рожденными младенцами», надзирание в рабочем доме, доме для сумасшедших, а также приготовление провианта для всех учреждений Приказа общественного призрения и обмундирование для учеников училищ².

Вторым крупным центром в Пермской губернии, в котором проводились мероприятия по призрению нуждавшихся (как санкционированные Приказом общественного призрения, так и инициированные местными купцами и городской думой), был Екатеринбург. Переписка с Приказом велась по четырем направлениям, с тремя должностными лицами и Городской думой соответственно. О деятельности и составе екатеринбургской общественной богадельни докладывал городничий Гринберг. Вопросы, связанные с образованием рабочего дома, обсуждались с обер-комендантом Судовщиковым. Обучением бедных детей занималось Екатеринбургское горное училище, поэтому переписка велась от имени смотрителя училища и землемера Пестерева. Весной 1788 г. он сообщил, что, как землемер, он имеет жалование 20 руб. в год, от Приказа общественного призрения никакой платы не получает, а состояние достатка у него «не из лучших». В связи с этим из остатков школьной суммы за 1787 г. ему было выделено на квартиру 160 руб. 43¹/₄ коп.³ Однако уже 23 июня 1788 г. по предложению И. В. Колтовского должность смотрителя Екатеринбургского горного училища была передана уездному землемеру шадринской округи прапорщику Селянину. Пестерев по своему прошению получил от межевой экспедиции отставку с места уездного землемера и не мог выполнять функции смотрителя⁴.

Прием пожертвований осуществлялся в двух центрах губернии – Перми и Екатеринбурге, где находились уездные казначейства. 25 октября 1781 г. уездному казначею Корнилову было передано предписание о том, как поступать со средствами Приказа общественного призрения. Он должен был записать их в приход и хранить в кладовой, где «и прочая денежная казна хранится»⁵. Для регистрации казначею выдавались четыре книги за шнуром и печатью: по одной на приход и расход денег и вещей.

Первыми доходами Приказа стали пожертвования от наиболее вид-

² ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 299 об.

³ Там же. Д. 13. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 158 об.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 34 об.

ных помещиков и заводчиков, имевших владения в губернии. Уже 19 октября 1781 г., т.е. на следующий день после образования губернии, заводчик Григорий Походяшин передал 2 тыс. руб., которые просил «употребить в пользу сирот, требующих от своих сограждан вспоможения». Эти средства были получены в Екатеринбургском областном казначействе, где их предписывалось «хранить до повеления». 11 января 1783 г. они были переданы в Пермь. По квитанции, выписанной в Приказе, Походяшин мог получить назад 2 тыс. руб. в Екатеринбурге от поверенного Н. А. Демидова, Григория Белова, т. к. эти деньги он заплатил вместо Демидова⁶.

В декабре 1781 г. Алексей Федорович Турчанинов передал пермскому Приказу общественного призрения 3 тыс. руб., которые собирался «в продолжение шести лет вносить ежегодно ... по пятисот рублей», а также 750 гражданских азбук для учреждения училищ⁷. Азбук оказалось больше, чем могло быть учеников, поэтому для школ оставили лишь 300 книг, остальные были предназначены для продажи в Перми и Екатеринбурге. В 1783 г. «на первой случай» екатеринбургскому смотрителю училищ Пестереву было отправлено 100 азбук как для школы, так и для продажи. В Перми реализация книг была поручена купцу Федору Бирюкову, которому передали 150 азбук. Приказ установил цену каждой книги без переплета в 8 коп.⁸ Доходы, полученные от их продажи, поступали в Приказ общественного призрения, а у людей появлялась возможность самостоятельно обучаться грамоте.

Александр Сергеевич Строганов 22 октября 1781 г. повелел приказчикам Билимбаевского завода Андрею Шилову и Ивану Лепехину внести в екатеринбургское казначейство «денег медною монетою 1000 руб., представляя употребление оных Приказу общественного призрения сходно с высочайшим ее императорского величества предписанием»⁹. На учреждение и содержание школ Строганов жертвовал по 300 руб. ежегодно, причем не оговаривал срок, во время которого будет предоставлять помощь.

Иногда Приказ общественного призрения инициировал сбор пожертвований на определенные нужды, крупные мероприятия. Для строительства церкви и погребения усопших около Перми в 1783 г. были разосланы по городам губернии «книги церковной суммы». В них вписывались люди, вносившие средства. В Екатеринбурге за тот год было собрано 530 руб., в следующем году – еще 280 руб. Большинство пожертвований было получено от заводчиков А. Ф. Турчанинова, П. Г. Демидова, Н. А. Демидова,

⁶ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 3. Л. 16, 42 об., 57, 59–60.

⁷ Там же. Л. 30.

⁸ Там же. Д. 4. Л. 98 об.–99 об.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 40 об.–41.

И. Н. Демидова, Н. Н. Демидова, С. А. Ширяева, а также от купца И. Суслова¹⁰.

Средства, поступавшие через екатеринбургское казначейство, не оставались и не использовались в городе без особого разрешения Приказа общественного призрения. Поверенные заводчиков передавали пожертвования в казначейство в Екатеринбурге и получали квитанцию. Далее средства хранились до поступления распоряжения из Приказа. В тех случаях, когда было необходимо переправить деньги в Пермь, использовались услуги купцов, направлявшихся туда по делам. Так, летом 1786 г. «в число обещанной ... суммы» от поверенного А. Ф. Турчанинова Филадельфа Дьячкова в Екатеринбурге приняли 500 руб., о чем ему выдали квитанцию. Деньги с квитанцией согласился забрать купец Никита Шишин для передачи их в Приказ в Перми. На то время, пока деньги были у него, с Шишина взяли залог, чтобы вернуть его, когда он отдаст привезенные деньги и квитанцию¹¹.

Другим способом отправки средств в Пермь являлась пересылка по почте. 18 ноября 1786 г. в Екатеринбургском областном казначействе оказалось 313 руб. 94 $\frac{1}{2}$ коп., принадлежавших Приказу общественного призрения, и 83 руб. 71 $\frac{1}{2}$ коп., полученные рабочим домом, т. е. всего 396 руб. 66 коп. В Пермь необходимо было отослать 350 руб., поэтому в почтовую контору было заплачено 1 руб. 75 коп., т. е. по деньге с рубля¹².

Пожертвования в Приказ общественного призрения приносились не только помещиками и заводчиками, но и купцами. 11 марта 1784 г. генерал-губернатору Е. П. Кашкину поступило доношение от екатеринбургского купечества, проживавшего в шарташском селении. Купцы сообщали о желании передать на нужды Приказа 500 руб. Эти деньги генерал-губернатор повелел принять в Екатеринбургском областном казначействе. Под документом подписались Тит Кумов, Михаил Тарасов, Тарас Кумов, Антип Казанцев (вместо Дмитрия Казанцева), Гавриил Щепетильников, Петр Астраханов, Яков Харитонов, Меркурий Резанов и купец Грязнов (вместо Михаила Гринского)¹³.

Несмотря на то, что по «Учреждению для управления губерниями» 1775 г. при образовании Приказа общественного призрения должен был получить 15 тыс. руб., в пермский Приказ они не поступили «за не востребованием»¹⁴. 16 ноября 1786 г. о скорой возможности выделения средств для

¹⁰ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 122, 132 об.–133.

¹¹ Там же. Л. 138–138 об.

¹² Там же. Д. 3. Л. 140.

¹³ Там же. Ф. 316. Оп. 1. Д. 73. Л. 42–42 об.

¹⁴ Там же.

Приказа общественного призрения было сообщено в Пермскую казенную палату казначею Корнилову и поручено принять их¹⁵.

Е. П. Кашкин в письме к князю Александру Алексеевичу Вяземскому просил исходатайствовать высочайшее повеление о передаче этих средств в Дворянский банк для Приказа общественного призрения, чтобы использовать их для предоставления ссуд под проценты. Вырученные деньги должны были бы пойти на открытие благотворительных учреждений в Пермском наместничестве, т. е. в Пермской и Тобольской губерниях¹⁶.

Однако императрица не позволила открыть Дворянский банк в Перми. Ею было выделено несколько причин. Во-первых, в Пермской и Тобольской губерниях не было достаточно состоятельных помещиков, которые могли бы отдавать деньги под заклады или брать ссуды в Дворянском банке. Тем же, у кого было имущество в виде заводов, домов и других заведений, которое можно было принимать в банк, не разрешалось отдавать его. Во-вторых, открытие Дворянского банка в Перми означало появление конкуренции у столичных банков, что было для них нежелательно. Однако создание банка могло принести и выгоду для губернии. При раздаче средств Приказом общественного призрения в заем через банки внутри губернии, при разумном распоряжении ими можно было избежать потери капитала, т. к. «всегда состояние заемщика может быть в точности на месте известно»¹⁷. Кроме того, губернское общество смогло бы получать деньги «у себя дома», тогда как раньше взять их можно было только в столицах.

Помимо крупных пожертвований, в доходы Пермского приказа общественного призрения включались деньги, заработанные колодниками в рабочих домах, проценты за просроченные ссуды и др.¹⁸ Доходы из некоторых источников направлялись сразу в определенные учреждения. Так, в апреле 1785 г. в екатеринбургской школе чинили пол и потолок. Когда стали сбрасывать землю с потолка, «нашли 7 штук красной меди» весом в 2 пуда 5 фунтов. Она была, по предположению смотрителя Пестерева, выкрадена кем-то и спрятана «в давешнее время, когда еще здешняя школа была пробирною фабрикой». В монетную экспедицию медь не приняли, поэтому Приказ общественного призрения разрешил «продать охотникам» и записать в школьную сумму¹⁹.

На содержание городского магистрата, школ и других учреждений Приказа, на строительство и починку дорог и мостов по городскому поло-

¹⁵ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 73. Л. 97–98.

¹⁶ Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.

¹⁷ Там же. Л. 85.

¹⁸ Там же. Д. 11. Л. 26–24; Д. 16. Л. 194; Д. 17. Л. 79 об.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 120–120 об.

жению отчислялись «однопроцентные деньги», т. е. доход от винных сборов²⁰. В 1791 г. Екатеринбургское уездное казначейство выделило «в пользу городов отчисления и отношения за первые 6 месяцев сего года» в размере 114 руб. 54 коп.²¹

Пожертвования от «доброхотных дателей» собирались в специально выставленные при церквях кружки или ящики. Эти деньги должны были направляться на содержание богадельщиков. В Екатеринбурге к концу сентября 1791 г. в ящики было собрано 96 руб. 34 $\frac{1}{4}$ коп., которые хранились в оберкомендантской канцелярии. Но неимущие в екатеринбургской богадельне находились на содержании городской думы, поэтому городничий Гринберг послал запрос в Приказ общественного призрения, что делать с деньгами. Было решено, что он отправит средства в Пермь с первой же оказией или по почте; расходы на пересылку необходимо было взять из этой же суммы. 30 октября 1791 г. Гринбергу было послано уведомление, что после пересылки собранных в ящик денег осталось 95 руб. 86 коп.²² Они и были записаны в капитальную сумму Приказа²³.

В качестве пожертвований в пермский Приказ поступали не только деньги, но и различные вещи. Уже 29 октября 1781 г. в Приказ общественного призрения было сообщено о том, сколько и каких вещей внесено: «сукна 294, холста 817 $\frac{1}{2}$, китайка 2, крашенина 67, платки 13, шубы 15, кушаки 16, меха 2, коты 16, башмаков 16 пар, чулков 26 пар, рукавиц 16 пар, шапок 2, чепцов 3, косынок 9»²⁴.

После образования Приказа общественного призрения деятельность учреждений по призрению социально незащищенных граждан в Пермской губернии была поставлена на новый уровень. В первое время развивались не все направления, указанные в «Учреждении о губерниях», а только те, которые были наиболее актуальны для города: аптека, госпиталь, народное училище, перешедшие из ведения Канцелярии главного заводов правления в Приказ общественного призрения. Призрением неимущего взрослого населения в Екатеринбурге конца XVIII в. занималось два учреждения: богадельня и рабочий дом. Первое из них было образовано и содержалось за счет городского общества, но управление им происходило из Пермского приказа общественного призрения, а второе открылось при его участии.

Большое значение в ведомстве Приказа общественного призрения имели аптека и госпиталь в Екатеринбурге. Это не столько учреждения помощи нуждавшимся, т. к. они работали на платной основе, сколько необходимые

²⁰ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 304.

²¹ Там же. Л. 303 об.

²² Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 299–299 об.

²³ Там же. Л. 442–442 об.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 46.

для нормальной жизни города. Первое время екатеринбургская аптека была единственной в губернии и поставляла лекарства в аптеки и госпитали всех городов и заводов. Осенью 1784 г. была создана аптека в Перми²⁵, но екатеринбургская аптека продолжала играть значимую роль даже для пермяков.

Здания, в которых находились эти учреждения, были совершенно непригодными для эффективной деятельности. Деревянный госпиталь был построен на сыром, болотистом месте и состоял из трех покоев и кладовой, причем в одной из комнат была устроена кухня. Со временем здание обветшало, больные в нем претерпевали «ощутительнейшее страдание» от «противного запаха и тесноты»²⁶.

Не приспособленным для хранения и изготовления лекарств было и каменное здание аптеки. Вещества и материалы находились в нижнем этаже здания, многие из них «от великой сырости совсем сгнили». В верхнем этаже дома, где жил сам аптекарь, не было полок для хранения лекарств, деньги, чтобы эти полки сделать, также не выделялись²⁷.

Главной целью екатеринбургской аптеки было создание таких условий, при которых постоянно бы имелись свежие медикаменты, чтобы обеспечивать город и выделять достаточное количество лекарств для губернского города Перми²⁸. Это явилось причиной передачи аптеке здания в 1788 г. Для нее было предложено два дома на выбор. Приказ общественного призрения просил пермскую казенную палату выделить казенный дом, в котором жил коллежский советник Грамотчиков. Аптекарь Зиберт считал более удобным недостроенный командирский дом, где уже была сделанная для кухни каменная палатка, которую можно было употребить для лаборатории. В этом доме нельзя было занимать флигель, отстроенный на средства городского Гринберга. Приказ повелел Зиберту починить тот дом, в котором сам проживал, а потом переехать в назначенный под аптеку дом, где проживал Грамотчиков²⁹.

Приказ общественного призрения занимался организацией воспитания и обучения детей. Кроме образовательной функции, эти учреждения выполняли задачу призрения и содержания детей из бедных семей, недопущения бродяжничества и нищенства среди них, т. к. ученикам выплачивалось жалование.

Из учреждений призрения детей в ведении Приказа общественного призрения находились Малое народное и Екатеринбургское горное учили-

²⁵ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 193 об.

²⁶ Там же. Л. 63–63 об.

²⁷ Там же. Л. 63 об.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 129 об.

²⁹ Там же. Д. 13. Л. 265 об.–266.

ща. Все вопросы по содержанию в них детей, по выплате жалования им и учителям, а также о замещении должностей решались на заседаниях Приказа. По штату 1737 г. для екатеринбургской и пермской школ полагалось «ректору, учителям, ученикам и прочим служащим на жалование, также на книги, дрова, свечи, бумагу и прочие расходы в год 3178 руб.»³⁰. С 1786 г. из этих средств в Екатеринбург поступало 1456 руб.

Должность учителей в Малом народном и Екатеринбургском горном училищах находились в ведении Пермского приказа общественного призрения. Поэтому учителя направлялись сюда из Перми, после обучения в Главном народном училище. По указаниям, приходившим из Приказа, происходило и перемещение учителей из одного училища в другое в зависимости от их специализации. Основные вопросы, решавшиеся в данный период, были связаны с учителем Левицким, определенным на должность в Малом народном училище и сдававшим в связи с этим экзамены.

Жалование учеников Екатеринбургского горного училища в 1788 г. варьировалось от 4 руб. до 7 руб. 40 коп., т. е. в месяц они получали от 33 до 62 коп. В то же время в Главном народном училище неимущим ученикам выделялось по 50 коп. в месяц³¹. Содержание в размере 7 руб. 40 коп. полагалось одному человеку, 6 руб. — шести ученикам. Жалование по 4 руб. предназначалось для остальных 167 человек. На всех 174 учеников выделялось 711 руб. 40 коп. Повышенное жалование предназначалось для бедных учеников. Однако было еще 9 беднейших сирот, которых было необходимо поместить на освободившиеся места. Пока им выделялось содержание, как и другим ученикам, в размере 4 руб. в год³².

В 1791 г. в горном училище на жаловании находился 21 человек, и было разрешено брать для обучения без жалования сколько угодно человек³³. Некоторые ученики «по ленности и нерадению» в училище не ходили. Смотритель беседовал с родственниками, но безуспешно, поэтому просил в Приказе общественного призрения исключить их из училища. Из них 11 человек получали казенное жалование 4 руб. в год, а 50 человек не имели жалования. По решению Приказа все они были исключены, а на их место поставлены ученики из беднейших семей³⁴. В январе 1793 г. Селянин сообщил, что в Екатеринбургском горном училище всего 14 учеников бедного состояния, которым определено жалование 4 руб. в год, как и прочим ученикам³⁵.

³⁰ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

³¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 27 об.

³² Там же. Л. 24–24 об.

³³ Там же. Д. 17. Л. 383.

³⁴ Там же. Л. 485 об.

³⁵ Там же. Д. 19. Л. 30 об.

Образование в Екатеринбурге получало значительное количество детей, в конце XVIII в. только в училищах могло обучаться около 300 детей.

В Екатеринбурге было большое количество детей военнослужащих разных команд, многие из которых не обучались в школе, что было огромной проблемой для города. Большинство из них были из семей «скудных отцов» или сиротами, что в условиях довольно высоких цен на продовольствие вынуждало их скитаться по миру. Этим они получали себе «пропитание самое бедственное». Поэтому Судовщиков в 1784 г. предложил для солдатских детей учредить гарнизонную школу или обучать их с другими детьми, но выдавать им дополнительное жалование³⁶. Помимо получения детьми образования, обер-комендант преследовал цель дать им лучшее пропитание, чтобы отвлечь их от скитания по миру.

Он предлагал помещать в школу детей с шестилетнего возраста. Детям с двух до шести лет, не имевшим пропитания, выдавать «по одному четверику и с пропорцією круп» за счет средств, выделявшихся на «сверхкомплектных» школьников. По указанию губернатора Приказ общественного призрения разделил детей по возрасту на три группы. В первую вошли 10 человек, которые достигли 15 лет. О них было сообщено в Пермское наместническое правление, чтобы определить «куда следует». Оставшиеся 103 человека направлялись в екатеринбургскую школу, на их содержание выделялась сумма из Военной коллегии. Ученикам, достигшим шестилетнего возраста, определялось жалование в 3 руб. Других можно было принять в школу по их желанию, но жалование им не выплачивалось³⁷.

Брошенные родителями младенцы находились на попечении екатеринбургского купца Федора Яковлевича Логинова в созданном им в 1792 г. воспитательном доме. Опекунский совет Московского воспитательного дома отказался признать его, поэтому дом оказался вне учреждений Приказа, а действовал при городской думе³⁸.

Важным направлением деятельности Приказа общественного призрения было оказание помощи отдельным нуждавшимся в ней людям. По личным прошениям вдовы и неимущие могли получить финансовую поддержку для переезда к родственникам в другой регион, пенсию за особые достижения при работе в государственных учреждениях или получить направление в богадельню того города, где они жили.

Общественная богадельня в Екатеринбурге находилась при церкви Сошествия Святого духа. При учреждении воспитательного дома в августе

³⁶ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 73. Л. 45.

³⁷ Там же. Л. 45 об.

³⁸ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28.

1792 г. нищих из богадельни при церкви Сошествия Святого духа перевели в Успенскую церковь, которая находилась за городом на кладбище. Поэтому позже она упоминалась как «бывшая» богадельня, куда можно было приносить незаконнорожденных младенцев³⁹. Вновь местонахождение при той же церкви Сошествия Святого духа было указано в 1795 г. при рассмотрении в городской думе сообщения о смерти одного из богадельщиков⁴⁰.

Финансирование деятельности богаделен по «Учреждению о губерниях» должно было производиться из средств, собираемых в специальные кружки, которые находились при местных церквях. Но богадельня в Екатеринбурге содержалась за счет городской думы. В городе при церквях были выставлены ящики для сбора подаяний для богадельщиков, пожертвованные средства пересылали в Приказ⁴¹. А с 1795 г. екатеринбургская городская дума определяла неимущих в богадельню «на пропитание из имеющих при церквях собираемых от доброхотных дателей ящиков денег»⁴².

Общее количество призреваемых в екатеринбургской богадельне изменялось незначительно. К 15 июля 1787 г. там находилось 20 человек (11 мужчин и 9 женщин), причем дополнительно можно было принять не более четырех неимущих⁴³. Однако уже в сентябре 1787 г. Гринберг сообщал, что для находящихся в богадельне двадцати призреваемых места не хватало⁴⁴. К марту 1788 г. ситуация изменилась: к ним добавился «отставной учитель Осип Дубровский с семьей»⁴⁵, находившийся на содержании из тех же средств, из которых происходило финансирование богадельни. А уже в сентябре того же года осталось только 16 призреваемых (9 мужчин и 7 женщин)⁴⁶.

На заседании Приказа общественного призрения 10 ноября 1791 г. происходило обсуждение вопроса о богадельнях в губернии: где они есть, когда заведены, на каком основании они действовали, кто в них содержится, какие здания имеют эти заведения (каменные или деревянные). Также было решено запросить «именные списки богадельщиков с именами и званиями»⁴⁷. Однако эти сведения не были получены.

В 1795 г., после состоявшейся новой ревизии, было необходимо составить список лиц в богадельне, положенных в подушный оклад в форме сказки. Таковых оказалось 5 человек: мещане Степан Пролубников, Миха-

³⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 10–11, 54.

⁴⁰ Там же. Д. 46. Л. 140.

⁴¹ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 299, 442.

⁴² ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 46. Л. 155.

⁴³ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 11. Л. 128.

⁴⁴ Там же. Д. 11а. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 13. Л. 49.

⁴⁶ Там же. Л. 323 об.

⁴⁷ Там же. Д. 17. Л. 503 об.

ил Малоземов, его сын Афанасий и Никифор Бурцев⁴⁸. Призреваемые, не положенные в подушный оклад, заносились в специальную именную ведомость⁴⁹. После составления обоих списков 7 июня 1795 г. городская дума приказала снять с них копии, которые отправили городничему.

Вопрос об улучшении содержания и положения призревавшихся в богадельне людей наиболее остро был поставлен Приказом общественного призрения и городской думой в 1788 и 1798 гг. В обоих случаях было решено увеличить выделение средств на призреваемых. Причем если в 1788 г. содержание выдавалось мукой, то в 1797 г. – деньгами.

В сентябре 1787 г. Гринберг сообщил в Приказ общественного призрения, что в городе не хватает средств, из которых можно было взять деньги на покупку муки. Поэтому в сентябре богадельщикам было выдано всего по 1/2 пуда муки вместо положенного одного пуда⁵⁰. При этом в екатеринбургском областном казначействе за Приказом числилось 121 руб. 19 1/4 коп., но они были направлены на покупку медикаментов для аптеки⁵¹.

В марте 1788 г. Гринберг спрашивал «отколь следует ассигновать денег» на покупку муки, т. к. на 21 призреваемого осталось только 6 пудов и 3 фунта муки. В денежной казне Екатеринбургского областного казначейства числилось принадлежавших Приказу 71 руб. 19 1/4 коп.⁵² Поэтому было решено выделить из этих денег екатеринбургскому городничему средства на покупку муки, «а вместо их толикое ж число в капитальную сумму возвратить и с процентами». При выдаче необходимой суммы предписывалось указать, «откуда эти деньги присланы, с кого и по какому повелению взимаемы». Гринберг должен был купить муку «в такое время, в которое там, на торгах, бывает дешевле»⁵³ и раздать ее на пропитание призреваемым в богадельне и причисленному к ней учителю, после чего доложить в Приказ, сколько было заплачено за муку.

После заседания Приказа, в протокол рукой наместника И. В. Колтовского было вписано повеление об увеличении содержания людей, находившихся в богадельне. Он указал, что по одному пуду муки в месяц человеку недостаточно на пропитание, поэтому и предписал городничему с 1 апреля 1788 г. всем богадельщикам выдавать по полтора пуда муки⁵⁴. В дальнейшем это приказание выполнялось. Так, отставной солдат монетной роты Петр

⁴⁸ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 46. Л. 85.

⁴⁹ Там же. Л. 77.

⁵⁰ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 11а. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 2–4.

⁵² Там же. Д. 13. Л. 49.

⁵³ Там же. Л. 49 об.–50.

⁵⁴ Там же. Л. 50.

Зайкин был принят в богадельню в середине 1788 г., причем ему прописывалось ежемесячное жалование в 1,5 пуда муки, как у всех богадельщиков⁵⁵.

В 1797 г. в Екатеринбургскую городскую думу поступило предложение от действительного тайного советника губернатора Пермской губернии К.Ф. Модераха. Он предложил учинить «безотложную проверку» екатеринбургской общественной богадельни согласно императорскому указу об управлении губерниями. Необходимо было проверить, есть ли у богадельщиков пропитание, одежда и обувь, чтобы «не имели ни в чем недостатка», соблюдается ли надлежащая чистота в помещениях и поддерживается ли нормальное состояние дома, в котором они живут⁵⁶.

При проверке пол в доме оказался почти провалившимся, печи требовали ремонта. В мужской половине была обнаружена «нечистота». Мужчины и женщины, призревавшие в богадельне, рассказали, что они не получают достаточного содержания и одежды. Поэтому наместник предложил думе «полы поправить и наблюдать за чистотою содержания богадельщиков», а также смотреть, чтобы не имели ни в чем недостатка. Смотрение и проверка состояния богадельни поручалась гласному от цехов С. Севастьянову⁵⁷.

Если до проверки на жалование мужчины, содержавшегося в богадельне, выделялось по 60 коп., а для женщин – 40 коп. в месяц, то в сентябре 1797 г. Колтовский распорядился увеличить их содержание на 10 коп.⁵⁸ Если же собираемых средств не хватало, то они добавлялись из общественной суммы купцов и мещан.

В богадельне призрение получали нищие, больные, старые и не способные работать люди. Попасть в нее было возможно лишь по решению Приказа общественного призрения или по направлению городской думы Екатеринбурга. Для других категорий населения существовали иные формы общественного призрения.

Одним из важных направлений призрения являлось помещение взрослого населения в рабочий дом. Однако в Екатеринбурге его строительство затянулось почти на 10 лет, и было сопряжено с различными проблемами.

Главные вопросы, которые решались в процессе подготовки к строительству между губернатором и екатеринбургскими властями, – выбор места для рабочего дома и подбор офицерских кадров для смотрения за ходом работ. Принципиальное решение о необходимости рабочих домов в Перми и Екатеринбурге было принято в 1781 г., после выхода указа императрицы о

⁵⁵ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 232 об.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 57. Л. 156.

⁵⁷ Там же. Л. 162.

⁵⁸ Там же.

грабежах 3 апреля 1781 г.⁵⁹ Предложение от губернатора об их создании в ведении Приказа общественного призрения поступило в ноябре 1783 г.⁶⁰ Цели создания были определены в 1788 г. В первую очередь, неимущих предполагалось содержать под стражей, чтобы они могли зарабатывать себе «достаточное пропитание». Однако кроме этой, направленной на поддержание физического состояния нищих, были поставлены нравственно-воспитательная и полицейская цели. Рабочий дом предназначался для «исправления ... дурных нравов» тех, кто впадал в «разные шалости и неистовство», а также к «пресечению бродяг и беспашпортных», которые уходили из своих родных мест «снискивать себе укрывательство под разными предложениями». В большинстве своем они не имели никаких ремесел и работ и были замешаны в «непорядочных поступках и мошенничествах»⁶¹. Именно для них пермский Приказ общественного призрения постановил создать рабочие дома в Перми и Екатеринбурге.

О начале функционирования рабочего дома в Екатеринбурге сведений не выявлено. Но точно известно, что в марте 1790 г. он уже действовал. Иван Огнев, прапорщик екатеринбургской горной второй роты, просил Приказ общественного призрения выдать ему 12 руб. из денег, «заработанных в здешнем Рабочем доме» мастеровым Верх-Исетского завода Емельяном Шаманаевым, за украденную им лошадь. К этому времени колодниками было заработано 13 руб. 49 1/2 коп., из них 12 руб. выдано Огневу под расписку в счет погашения иска⁶².

Отчеты о деятельности рабочего дома в Екатеринбурге почти не сохранились. Исходя из того, что цели и принципы деятельности рабочих домов в Перми и Екатеринбурге были одинаковы, можно предположить, что и сколько производили колодники в Екатеринбурге. Те из них, кто поступал за совершенные мелкие преступления, зарабатывали на возмещение ущерба и в доход Приказа общественного призрения, а те, кто попадал за бродяжничество и нищенство, работали на собственное пропитание. Полученные от продажи их изделий средства поступали в распоряжение Приказа, который распределял их на содержание и лечение колодников.

В результате соединения функций рабочего дома и тюрьмы в Екатеринбурге было открыто не столько учреждение для помощи нуждавшимся через предоставление им работы, сколько исправительное, для отработки долгов колодниками.

Помимо учреждения рабочего дома для мужчин, наместническое правление предлагало екатеринбургскому обер-коменданту Судовшикову орга-

⁵⁹ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 38. Л. 8–9.

⁶⁰ Там же. Л. 24–25.

⁶¹ Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 139.

⁶² Там же. Д. 16. Л. 89–89 об.

низовать прядильный двор для способных работать неимущих женщин. В нем должны были быть прялка и веретено. Все нуждающиеся женщины могли бы приходить туда и прясть. За это они должны были получать плату, т. е. у них появились бы средства на пропитание. Тут же отмечалась и выгода для Приказа общественного призрения – после продажи пряжи доход от нее поступал в прибыль⁶³.

Принимая во внимание независимость людей, живших в Екатеринбургe, Судовщиков отмечал, что они «никак не пойдут для пряжи в казенный прядильный двор», т. к. сочтут «предполагаемую милость не только за стыд, но родом наказания»⁶⁴. Многие из вдов в Екатеринбургe не имели собственных доходов и домов, а зарабатывали себе на хлеб на жатве. Поэтому обер-комендант предлагал честно живущих женщин не неволить к работам в прядильном дворе. Для другой группы «самовольно и непорядочно живущих женщин» необходимо было учредить прядильный двор. И губернатор, и наместник согласились с таким делением женщин и отметили, что в Екатеринбургe столько «штрафных женщин», что хотя бы для них надо учредить прядильный двор⁶⁵.

Деятельность Приказа общественного призрения с возникновения в 1781 г. была очень обширна, охватывала различные сферы жизни городского общества. Приказ оказывал помощь широким слоям населения губернии в разнообразных формах. Общественное призрение в Екатеринбургe в конце XVIII в. развивалось, хотя материальная поддержка от Пермского приказа общественного призрения была очень мала. Просьбы городской думы Екатеринбургa о выделении денег чаще всего вызывали отрицательный ответ, т. е. сообщение об их недостатке. Более того, некоторые учреждения, которые должны были находиться в ведении Приказа, содержались за счет городских средств или частными благотворителями.

Призрение в Екатеринбургe получал широкий круг населения. Дети из бедных семей получали помощь в Малом народном училище, а для младенцев, оставшихся без попечения родителей, существовал частный воспитательный дом. Вдовы, а также больные и неимущие, неспособные самостоятельно работать, получали призрение в богадельне или в индивидуальном порядке. Рабочий дом совмещал функции предоставления работы в качестве помощи и в качестве наказания. На нужды всей губернии работала екатеринбургская аптека; госпиталь обслуживал как Екатеринбург, так и близлежащие заводы. Итак, в Екатеринбургe к концу XVIII в. действовали почти все учреждения, которые входили в состав приказов общественного призрения по «Учреждению о губерниях».

⁶³ ГАПО. Ф.82. Оп. 1. Д. 16. Л. 40–40 об.

⁶⁴ Там же. Л. 54 об.

⁶⁵ Там же. Д. 38. Л. 54–55.